

ОСОБЕННОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСТОЯННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕННЫЕ

(Первый промежуточный отчёт)

Стилистика социального поведения в национальном формате определяется множеством условий, важнейшим из которых является географическая среда, в пространстве которой происходит, развёрнутое во временном континууме, историческое становление антропологических сообществ. Формирование пространства национальной культуры в значительной степени детерминировано географической локализацией процессов антропосоциогенеза.

Необъятность России исключает единый топос. Географически страна представляет из себя несколько различающихся природно-климатических зон, особенности, которых долгое время доминировали в процессе антропосоциогенеза. Географические и исторические условия формирования территории Российской империи предопределили формирование в её составе таких социокультурных общностей, географическая локализация которых существенно отличается от современного национально-административного деления Российской Федерации, что обуславливает специфические проблемы как при идентификации, так и при её изучении. Исторически сформировавшаяся локальная идентификация в значительной степени определяет политические и культурные характеристики российских регионов. Поэтому вопрос о национальном единстве России продолжает оставаться открытым. Помимо практического подхода он сохраняет и теоретическую актуальность: мыслимо ли вообще единство сообщества, составленного из многочисленных этнических, конфессиональных, культурных и т.п. общностей, разбросанных на бескрайних просторах евроазиатского Севера?

Говорить о едином коммуникативном пространстве Российской империи едва ли уместно: поколения чукчей могли рождаться и умирать, не подозревая о том, что русские государи давным-давно взирают на них как на своих холопов. Естественно, что идентификация подданных и самоидентификация населения самым решительным образом не совпали. Модернизаторские усилия правящих элит в конце XIX–XX веках, сопровождавшиеся формированием единого информационного поля, инициировали в России такие подвижки общественного сознания, вектор которых до сих пор остаётся фактически за рамками научного анализа, а промежуточные результаты (до конечных дело ещё не скоро дойдёт) не оценены даже приблизительно.

Ситуация осложняется тем, что базовые ментальные характеристики, присущие различным группам российского населения в эпоху «старого порядка» отнюдь не очевидны. Россияне, таким образом, представляет из себя сообщество, генезис которого исследован едва ли лучше, чем у племён Амазонии. Его социальная структура — результат анастрофических процессов, интенции которых лишь иногда опосредовались государством, несмотря на декларируемые его агентами намерения контролировать все сферы частной и публичной жизни страны. Собственно говоря, претензия рассматривать территорию и население России как на собственное подворье (являвшееся отличительной характеристикой московского стиля государственного управления и унаследование, элитами, сменявшими Рюриковичей), очевидно вступавшая в противоречие с возможностью её реализовать, определили специфику отношений между госаппаратом и населением. Последнее могло беззаботно предаваться обычным занятиям, до тех пор государство, персонифицированное отрядом казаков или ратников, не заявляло своих прав на его «имение и живот» (имущество и продукцию). Аппетиты обычно бывали умеренными, но претензии настойчивы, а аргументы — весьма убедительны. Поэтому для населения проще и дешевле оказывалось отдать, то что приглянулось государевым слугам, надеясь (вполне, впрочем, обоснованно) компенсировать потери за время их отсутствия.

Московская государственность, вскормленная с конца золотоордынского копья, до начала XVII века не видела необходимости в популяризации своей легитимности и не видела необходимости принимать на себя ответственность за народное благосостояние. С другой стороны — население, усвоившее благодаря наследникам Джучи, что государство «забирает всё, до чего только может дотянуться, и ничего не даёт взамен, и что ему надобно подчиняться, потому что за ним сила» (Р. Пайпс), находило такой порядок вещей вполне естественным. В конечном итоге, исторически сложился определённый тип «общественного договора», условия которого оказались приемлемы для обеих сторон: до тех пор пока один служилый приходился более чем на 300 тяглецов население безропотно несло необременительное государево «тягло», стремясь лишь как можно меньше иметь дело с государством. Опасливое недоверие к нему воспитывалось в народе всей традицией московской жизни.

Русские государи, требуя от своих «холопьев» демонстрации самоуничижительного подобострастья, кажется не слишком обольщались относительно реальных пределов собственной власти. До тех пор пока основным средством передвижения оставалась лошадь, а сплетни — основным способом сбора и передачи информации установить некое подобие регулярного управления можно было лишь в непосредственной близости от столицы. По мере удаления от Москвы становилось всё сложнее контролировать население, а следова-

тельно — приходилось ему доверять. Уже тот факт, что выселяемые с подмосковных земель крестьяне составили опору русской экспансии на Восток заставляет внимательнее присмотреться к характеристикам московского политического устройства и, по крайней мере поставить вопрос, о выгодах, доставляемых населению России русским деспотизмом.

Современная историография исходит из хронологической очевидности того, что устройство национального государства в России и создание Российской империи — параллельные, одновременные процессы, практически неотличимые друг от друга. Однако, если во времени эти сюжеты действительно неразделимы, то их историко-культурные векторы расходятся, позволяя легко отделить сценарий формирования национального государства, от колониальных сюжетов. Даже самые поверхностные наблюдения динамики российской экспансии указывают на то, что в отличие от Западной Европы, где колониализм (как государственная политика) вызревал в государствах, которые могли позволить навязать свои национальные традиции соседям, используя тем или иным путём достигнутое превосходство в ресурсах, первые осмысленные попытки генезиса национального единства были предприняты российскими государями уже после того как их личное подворье превратилось в одну из крупнейших мировых империй.

Россия, по скудости своих ресурсов, была лишена возможности генерировать национальный политический режим опираясь на собственные силы. Поэтому складывание национального государства сделалось возможным (идеология национального строительства вообще возникает лишь в XIX веке) после освобождения от ордынской дани и ограбления москвичами в XV–XVI веках русских и поволжских земель, доставившего московским государям избыток средств, необходимый для содержания вооружённых сил, пригодных не только для обороны от кочевников, но и для регулярных операций за пределами вотчины московских государей. Такой «нестандартный» вид колониализма исключал чёткую самоидентификацию различных групп российского населения. Жители Московии, так и не успев понять кто они, оказались подданными Российской империи. Причём в их повседневной жизни никаких изменений не произошло. Что же касается государства, то оно долгое время ограничивалось примитивным разделением всех своих подданных на «служилых» и «тяглецов»; «православных» и «неправославных». Подозревалось, правда, существование неких «инородцев», но их этнические и конфессиональные характеристики не уточнялись, поскольку от обычных подданных их отличало своеобразие податной системы.

Поволжье — регион ранней российской колонизации, территория на которой апробировались технологии ассимиляции новых земель. Включённая в состав московского государства ещё в XVI веке, она была не только местом миграции российского крестьянского населения, но и своеобразным трамплином для развития российской экспансии на

Восток. Данное обстоятельство решительным образом способствовало её интеграции в геосоциальное пространство России. Однако поволжский регион исторически не относился к «русским землям», (территориям, входившим в вотчину Рюриковичей). Поэтому её ассимиляция не входила в политические планы российских государей, совершаясь благодаря частным усилиями вотчинников, первопроходцев и «гулящих людей».

К тому же «подрайская земляца» (как называли левый берег Волги государевы люди) была отрезана от Москвы лесами и Волгой. Автохтонное население говорило на непонятном языке и кажется было враждебным. Его обычаи и технологические приёмы отличались от привычных московских образцов. Формирование локальной общности московского образца в Поволжье потребовало адаптации к природной среде и развития навыков межконфессионального общения. Тем более что русская диаспора в Казани была уничтожена во время покорения Казанского ханства. Новая социокультурная среда явилась результатом взаимного сближения автохтонной и московской традиций, проходившего в географически ограниченном пространстве. Удаление от Москвы и отсутствие государственной поддержки, заставляли переселенцев рассчитывать на свои, довольно ограниченные силы, поэтому открытые конфликты с местным населением могли иметь фатальные последствия для земледельческих сообществ. Строго говоря, для них не было особых причин: земли хватало всем, а население Среднего Поволжья (как пришлое, так и автохтонное) не отличалось избыточной воинственностью.

В рамках традиционных представлений о собирании русских земель, переход под скипетр православного государя должен был сопровождаться утверждением православия на вновь примысленных землях. Эта процедура казалась настолько естественной, что христианизация рассматривалась как одна из составляющих процедуры распространения московского суверенитета на Казань и Астрахань — резиденции наследников Чингисхана. Слава заволжских царей, по логике *translatio imperii* (перехода империи) должна была поднять величие московского государя на небывалую высоту, уравнивая представителей младшей ветви Рюриковичей с византийскими цезарями. Но если жители Малой и Белой Руси с энтузиазмом воспринимали попечение Великорусских государей о сохранении чистоты православной веры, то автохтонное население восточных уделов отнюдь не проявляло склонности к принятию святого крещения, стремясь сохранить приверженность традиционным верованиям — исламу или язычеству. Государевым людям и миссионерам впервые пришлось столкнуться здесь с открытым и массовым сопротивлением христианизации. Причём, если усилия миссионеров приносили результаты слишком медленно, то попытки силой утвердить православие среди новых подданных привели к тому, что в Казанской земле вспыхнуло некое подобие народного восстания. Естественно, что в XVI веке мятеж-

ники не могли избрать в качестве лозунга ничего лучше сохранения «веры отцов». На их счастье, Иван IV больше был увлечён сведением счётов со своими бывшими наперсниками, поэтому проекты последовательных «христианизаторов» остались не реализованы, а сами они вскоре погибли. Христианизации поволжских жителей, оказалась практически свёрнута уже через три года после взятия Казани.

Коллизии московской придворной политики своеобразно преломлялись в повседневной практике. То обстоятельство, что заволжские земли оказались практически неуправляемы стимулировало энергичный захват примыслов вотчинниками, стремившимися переселить за Волгу как можно больше своих крестьян и холопов, дабы вывести их с бедных подмосковных земель и уберечь от ревнивого государева ока. Туда же устремились и массы «чёрных» крестьян, привлечённые едва ли не впервые представившейся земледельцам Северо-восточной Руси возможностью прокормиться с земли и подгоняемые желанием оказаться подальше от московских сборщиков налогов. В результате русская миграция в Поволжье хотя и оказалась вне государственного контроля, оставалась достаточно интенсивной. Переселяясь на восточный берег Волги русские крестьяне переносили сюда и привычные хозяйственные навыки оправдавшие себя в Подмоскowie. Лучшее качество заволжских земель способствовало сохранению традиционных аграрных технологий, которые позволяли получать неплохие результаты, а это, в свою очередь, обеспечивало стабильность традиционной социальной структуры общинной деревни на новом месте. Стратегия ассимиляции Поволжья, особенно явно обозначившаяся после присоединения Астраханского ханства, покоилась на двух китах: сотрудничестве с лояльными местными элитами и гарантиях сохранения фискальной системы, утвердившейся со времён Золой Орды. Инкорпорировав таким способом остатки нерусских элит в состав новой администрации (если вообще уместно говорить об администрации в допетровской России) удалось добиться свободы рук на заволжских землях, обеспечив русским земледельцам возможность относительно спокойно трудиться на благо государя и бояр. До тех пор пока государевы люди не лезли во внутреннюю жизнь инородческих общин, на присоединённых землях сохранялись покой и стабильность. Лучшим подтверждением правильности боярского прагматизма может служить отсутствие сколь-нибудь серьёзных сепаратистских движений в поволжско-уральском регионе в период смуты начала XVII века. В конечном итоге, государство сочло за благо присоединиться к практике вотчинной экспансии, обеспечив защиту границ от набегов соседних кочевых племён.

Сотрудничество с нерусской аристократией не было революционным шагом для правительства России. Традиция боярских переходов, известная с Киевских времён, позволяла держать двери широко открытыми для всех желающих поступить на государеву службу.

Представителей опальной ордынской знати с давних пор находили прибежище при дворе московских (и не только московских) государей, приводя с собой родственников и челядь. Правда до XVI века приходилось иметь дело только с беглецами, но и большинство действующей знати имели знакомцев, а то и родственников, среди московской аристократии. Поэтому политический альянс знати оказался легко достижим и достаточно прочен, что в конечном итоге и обусловило спокойствие в регионе. Даже если нерусское население и пыталось бунтовать — без организации и руководства, его удавалось быстро успокоить.

Что касается отношений между чёрными людьми, то, по причине отсутствия интенсивных межконфессиональных контактов и интеркультурного взаимодействия, они неизбежно оказались добрососедскими. Вплоть до демографического взрыва середины XIX века мигрантам и автохтонам удавалось счастливо избегать контактов, а следовательно — конфликтов, довольствуясь социальной активностью внутри своих общин.

Поэтому интеркультурные коммуникативные процессы на бытовом уровне носили случайный характер, но, в основном ограничивались торговыми связями. Попытки государства структурировать региональный социум в привычном вотчинно-поместном формате, фрагментарные и непоследовательные, едва ли можно назвать успешными. Собственно говоря, историческая уникальность поволжского социокультурного анклава обусловлена тем, что коммуникативные процессы, протекали на этой территории без пристального государственного контроля.

Другой важной составляющей поволжской идентичности является Волга — служившая в эпоху «старого порядка» основной транспортной артерией Российской империи. Если топонимически структурировать историю российского государства доиндустриального периода, то можно выделить Днепровский, Окский и Волжский периоды. Контроль над Волгой обеспечивал единство внутреннего рынка России и способствовал укреплению государственного единства страны. В то же время сохранялась культурная и хозяйственная самобытность региона, опосредованная тем, что политические интересы российской элиты были сконцентрированы на южном и западном направлениях. Образно говоря, у государства никак «руки не доходили» заняться обустройством быта местного населения по образцу московской вотчины. В результате административная структура Казанского ханства, разрушенная во время похода 1552 года, не была заменена московской. Местные воеводы, сидели по крепостям, снабжённые недвусмысленными предписаниями, воспрещавшими им вмешиваться в дела местных жителей, на усмотрение которых, таким образом, было предоставлено обустройство всех необходимых социальных институтов. Возникшая в итоге неформальная структура местного самоуправления, институционализированная крестьянскими сходами и персонифицированная владельцами земли, оказалась на диво недоро-

гой и эффективной, соответствовала нуждам местного населения и позволяла без особых усилий выполнять обязательства перед государством.

Таковы, если можно так выразиться, базовые условия формирования поволжского регионального социума. Своеобразие этой социокультурной общности определялось её хозяйственной самобытностью, обусловленной специфическими климатическими условиями; относительной административной автономией, опосредованной особенностями ландшафта; сосуществованием русского и инородческого населения, статусные позиции которых были практически равны. При этом, то обстоятельство, что государственные границы России оказались отодвинуты далеко за пределы Поволжья исключало генезис и канализацию сепаратистских настроений. Идентификация Поволжского региона в структуре России оказалась неопределённой, тем более что самоидентификация местного населения сохраняла преимущественно конфессиональный характер.